

Р. ШАРОВИЧ

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ НА ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДЕРЕВЕНЬ В ЧЕРНОГОРИИ

DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3067

Аннотация. Быстрый демографический спад, а затем и производное от него угасание деревенских общин Черногории в первую очередь являются результатом отсутствия долгосрочной политики развития сельского хозяйства и деревни. К настоящему времени социалистическая система, прежде всего из-за осуществления амбициозных проектов трансформации общества, нанесла фундаментальный урон аграрной структуре и традиционному образу жизни крестьян. Индустриализация, национализация, колонизация, коллективизация, плановый характер производства — основные меры, с помощью которых предпринимались попытки исправить послевоенное положение. Ради увеличения населения городов и удовлетворения потребностей промышленности применялись неадекватные и для демократических обществ грубые формы давления на крестьянство. Индивидуальное сельскохозяйственное производство перестает быть отраслью экономики, имеющей особое общественное значение, что сильно повлияло на целостность деревни, деревенской общины и жизнедеятельность крестьянских хозяйств. При таком соотношении сил сельское хозяйство все более стагнирует и становится незначительной частью общественной структуры, почти лишенной влияния в цепи общественного производства.

Указанные перемены привели к тому, что за краткий период времени Черногория прошла путь от чисто аграрного общества до частично развитого урбанизированного, каким оно является на сегодняшний день. Эта работа представляет собой краткое резюме черногорской сельской драмы, конца которой не предвидится.

Шарович Раде — доктор социологических наук, Университет Черногории, Философский факультет, кафедра социологии. Адрес: 81400, Черногория, Никшич, ул. Данила Бойовича б/н, Университет Черногории.

Телефон: +382 69 222 580.

Электронная почта: sarovicrade@gmail.com

Ключевые слова: деревня, демографические движения, дерурализация, деаграризация, аграрное, урбанизированное, Черногория.

Введение

В социологическом аспекте опустошение сельской местности и деаграризация рассматриваются как сложные общественные процессы, в основе которых лежат понятия: движение, перемены, развитие города и девастация села в качестве постоянных явлений. Обращают на себя внимание скорость осуществления и масштаб этих процессов. Нет ни одной резкой общественной перемены, которая не повлекла бы за собой ряд других общественных перемен, повлиявших на основу общества, производство, потребление, а также на жизнь населения в целом. Современные социологические исследования демопопуляционных движений и тенденций в сельской местности обычно начинаются с предположения о том, что существуют два основных фактора, существенно меняющих общественную структуру современного села и сельской семьи:

1) *резкое уменьшение численности крестьянства* как демографическо-статистической категории и его социокультурный переход к городскому образу жизни;

2) *уход от сельского хозяйства* как источника дохода тех людей, которые живут на земельных участках, в результате чего возникает расхождение между современным селом (которое становится более урбанизированным) и современным сельским хозяйством (находится в процессе индустриализации).

Предмет и цель исследования

В Черногории, как и в более развитых странах мира, структура общества в целом и села в частности глубоко обусловлены географическим положением, степенью экономического развития, характером общественных отношений и особыми историческими условиями. В период с 1931 по 2011 гг. Черногория три раза вступала в военные конфликты, пять раз меняла свой государственный статус, и ее население пережило массовые миграции и социальные изменения.

Однако миграции населения в более-менее нормальных масштабах являются спецификой не только черногорского общества. Во всех развитых странах мира наблюдались периоды массовых миграций из сельской местности и от сельского хозяйства в города, особенно миграции молодежи. Исчезновение крестьянства является одной из самых далеко идущих общественных перемен второй половины XX века. Но для остальных развитых стран, как Европы, так и мира, характерно то, что в большинстве из них миграционные процессы из сельской местности в город осуществлялись в соответствии с экономической политикой и в зависимости от развития промышленности в целом

и сельского хозяйства, в частности. В Черногории эти меры имели совсем другое направление и вид влияния.

Предметом этой работы являются миграции черногорского сельскохозяйственного населения на линии деревня-город в период с 1948 по 2011 гг.

Цель исследования – проанализировать влияние общественно-системных факторов и аграрной политики, которые привели к переходу черногорского общества от сугубо аграрного к урбанистическому, каким оно является сейчас.

Деаграризация в Черногории

Черногория находится в юго-восточной Европе, на Балканском полуострове, с общей площадью государственной территории в 13 812 км². Граничит с Хорватией на западе, Боснией и Герцеговиной на западе и севере, Сербией на севере и востоке, Албанией на юге, а от Италии она разделена Адриатическим морем. Черногорское общество в начале XX века принадлежало к выраженно традиционному типу с автаркичным натуральным сельскохозяйственным производством, неразвитым общественным разделением труда, закостенелой социальной структурой, частичным коллективизмом в сфере собственнических отношений и т. п. В Черногории в 1931 году проживало 360 000 жителей (26 человек на один квадратный километр), а это значит, что она являлась самой ненаселенной частью Королевства Югославия. Из числа жителей в целом более 80% жило благодаря сельскому хозяйству, лесоводству и рыболовству; если сравнить Черногорию с другими частями Югославии того времени, то только Босния и Герцеговина были впереди. Хотя сельское хозяйство доминировало над другими отраслями экономики, его основными характеристиками были: размельченность и раскусоченность земельной собственности, очень низкие доходы на единицу площади, неразвитость товарного производства, традиционный способ обработки земли, примитивные средства производства и т. п.

В Черногории между двумя мировыми войнами постепенно развивалась промышленность: возникло 24 промышленных предприятия с общей численностью в 1355 рабочих (больше всего электростанций, предприятий продовольственной промышленности, затем лесной промышленности и т. д.) [1, с. 349]. Стали заметными определенные сдвиги в общественном разделении труда и развитии некоторых новых отраслей промышленности, что сделало общественно-экономическую структуру более расчлененной. Начался процесс постепенного перехода социально-профессиональной структуры общества от гомогенной аграрного типа к гетерогенной, характерной для более современного общества. Социально-профессиональная гетерогенизация в этом контексте означает процесс появления новых профессий, новых отраслей

деятельности, новых социально-профессиональных категорий, а также их развитие. (Конечно, здесь мы не можем а priori сделать вывод, что в ней ничего не менялось, но плавные изменения невозможно оценивать без глубинных и профессиональных исследований, для которых в Черногории не хватает элементарных статистических данных.)

Очевидно, что такие общественно-экономические изменения влияли и на перемены в семейном сельском хозяйстве, и на небольшой рост количества семей ремесленников, служащих и рабочих в городах. Однако нельзя говорить о некоей заметной трансформации руральной структуры. Чтобы отношения в сельском хозяйстве менялись, нужна более радикальная социально-экономическая трансформация общественного строя, связанная прежде всего с более масштабной индустриализацией и урбанизацией. Так как эти процессы в Черногории до 1941 года были упущены, сельское хозяйство и сельская семья здесь не испытали более глубоких и сильных перемен.

После окончания Второй мировой войны и прихода к власти коммунистов Черногория (по решениям Народной скупщины 1945 г.) официально стала одной из шести равноправных республик в новой югославской федерации. Однако в этой новой федерации были прекращены прежние процессы создания гражданского общества во имя борьбы за «социалистическое строительство», установлена «власть народа» как монопартийная диктатура. В такой системе крестьяне получили «патриотическое задание» «кормить народ», а особенно «товарищей рабочих», избранных «главным субъектом социалистической революции». Об экономическом интересе крестьян никто не осмеливался упомянуть, даже они сами. После войны было продолжено «обновление земли и строительство социализма», а один из многих девизов звучал так – «нет отдыха, пока длится обновление» – и в особенности относился к крестьянам.

Как и в федерации в целом, в Черногории еще в 1945 г. были приняты законы об обязательной государственной закупке сельскохозяйственных продуктов, о закупочных ценах на зерновые, скот, шерсть, кожу, овощи, молоко и молочные, а также многие другие продукты, предназначенных для питания несельскохозяйственного населения. Существование обязательной закупки практически исключало рынок и любую легальную торговлю сельскохозяйственными продуктами. Вместо продажи и покупки сельскохозяйственные продукты «передавались» государству, а затем власть централизованно их распределяла. За переданные продукты крестьяне получали талоны («тачкице»), на которые могли приобрести самые необходимые несельскохозяйственные продукты, несоизмеримо меньшей стоимости, чем стоимость переданных продуктов. «Законы принимались каждый следующий год, что, конечно, является знаком, что они не считались одной постоянной и системной мерой аграрной политики» [5, с. 179].

Стратегическое значение в этой модели общественно-экономического развития имела ориентация на ускоренную и принудительную коллективизацию деревни и сельского хозяйства. Коллективизация была начата в 1945 г. путем формирования государственных сельскохозяйственных благ и создания так называемых *крестьянских рабочих коллективов* (СРЗ), которые должны были обеспечить постепенную коллективизацию земель, поделенных между крестьянами в результате реформы, как и других частных земель. Административные меры, с помощью которых определялись закупочные квоты, репрессии при проведении закупок стимулировали у крестьян отрицательную мотивацию к производству сельскохозяйственной продукции. «Закупочные обязательства определялись планом посева, а не действительно засеянными площадями и собранными урожаями. Отнимали столько, сколько находили, несмотря на потребности самих крестьян, а попутно оказывали на них давление, заставляя вступать в СРЗ. Многие крестьяне-частники, придавленные закупкой, вступали в коллективы, только чтобы уйти от непереносимого давления» [6, с. 238]. Понятно, что крестьяне в таких условиях не были заинтересованы в увеличении производства. Увеличение производства влекло за собой и увеличение закупок, но и самое большое производство не гарантировало крестьянину, что он со своей семьей не останется без пропитания. Как бы то ни было, аграрная политика коммунистической партии Югославии (КПЮ), а также государственной партии с 1948 по 1953 гг. означала блокировку всех видов модернизации в нашей деревне.

В то же время существовала огромная потребность в создании кадров и развитии социалистической общественно-политической и экономической системы. Деревня представляла собой «ресурс», богатый рабочей силой, способствовавший созданию и административно-руководящих слоев, и общественно-политических организаций, и профсоюзов (государственного управления от местного до федеративного уровня), и, что важно, формированию больших промышленных центров. Таким образом (вследствие значительных инвестиций капитала в крупных урбанизированных центрах), возможности устройства на работу вне деревни и сельского хозяйства заметно возросли.

В условиях деревни, и без того тяжелых, принудительная коллективизация и обязанность вступать в СРЗ послужили факторами, ускорившими нарастание лавины тех, кто бежал из деревни и сельского хозяйства в города. Замкнутая жизнь, особенно черногорских горных деревень, сама по себе была более чем тяжелой, и молодые люди не могли найти в ней свое место и определить свою занятость. Возможности, которые им предлагал город, были разнообразны. Образование, устройство на работу открывали для них новые каналы социальной презентации и возможность подъема по иерархической

лестнице общества. Только в период с первой (1948) по вторую послевоенную перепись (1953) указанные факторы и неадекватная государственная политика по отношению к деревне и крестьянам способствовали тому, что доля сельскохозяйственного населения в Черногории по отношению к общей численности населения уменьшилась на 14,5% [2, с. 95].

В 1950-е годы, став самостоятельными и освободившись от самых характерных признаков советской модели, создатели социалистической политики по отношению к деревне не отреклись от административного проведения своей политической воли в аграрных отношениях, что было нерационально на этой экономически и географически специфической территории. Новым шоком для крестьян была и так называемая маленькая, или вторая, аграрная реформа, проведенная на основании Закона о сельскохозяйственном земельном фонде 1953 года. Тогда произошла новая экспроприация, согласно которой был уменьшен земельный максимум (с 25 до 35 га) и отнята земля у всех тех, у кого были земельные наделы площадью более 10 га (в горных районах — более 15 га). Отнятую землю на этот раз не поделили между бедными крестьянами, а большей частью отдали государственным («общественным») сельскохозяйственным фондам и агропромышленным комбинатам, меньшей частью — СРЗ, а еще меньшей — земледельческим коллективам общего типа. Считалось, что 10 га площади одно деревенское хозяйство может обрабатывать без наемной рабочей силы. Отчуждение земли у крестьян и уменьшение земельной собственности, с одной стороны, превосходства жизни и труда в городе, — с другой, способствовали тому, что в этот период (с 1953 по 1961 гг.) трансфер черногорского деревенского населения в урбанизированную среду продолжался почти с такой же интенсивностью; падение его численности было почти таким же, как и в предыдущий период, и составляло 14,4% [2, с. 98].

Частное крестьянское хозяйство в этот период имело известную гарантию на земельную собственность, которую крестьянин приобрел личным трудом и которую сам обрабатывает, но во всем другом такое хозяйство ориентировали на кооперацию с социалистическим сектором сельского хозяйства. Те структуры, с которыми крестьяне «кооперировались» и «коллективизировались» (агрокомбинаты и коллективы), имели системную возможность постоянно обесценивать крестьян, — занижая стоимость их продукции; растягивая время выполнения крестьянских требований; не обеспечивая транспортом и другими производными и непроизводными услугами, поскольку обладали на все это монополией, которую крестьяне не могли избежать или преодолеть.

Анализируя аграрные отношения в югославской федерации в период с 1945 по 1981 гг., можно сделать вывод, что сельское хозяйство

тогда могло развиваться и аграрные отношения могли меняться, но обязательным было то, чтобы это происходило в «социалистических формах». «Социалистические формы» аграрных отношений, или так называемые социалистические сельскохозяйственные организации, одна за другой показывали свою экономическую нерациональность. Крестьянам такие формы не подходили, они как только могли избегали их (власти же любыми средствами их навязывали). И в конце концов «социалистические формы» аграрных отношений стали слишком тяжелым бременем и для социалистической власти.

Когда стало заметно, что из-за экономической политики на селе стремительно уменьшается число жителей в сельской местности, социалистический строй нацелился на децентрализацию промышленного производства. Экономическое развитие Черногории исторически шло путем сильной концентрации средств и людей на небольшом пространстве, внутри промышленных городов-гигантов Титоград (сейчас Подгорица) и Никшич. На другом полюсе как следствие этого и ранее указанных факторов происходило обеднение сельских пространств, что, прежде всего, выражалось в сокращении численности населения, а затем и в неудовлетворительности всех форм экономической и социальной жизни. Черногория за короткое время осуществила большие перемены в экономической структуре, профессиональной структуре населения, в его территориальном и социально-экономическом распределении. Неравновесия, созданные таким образом, необходимо было решить в целях дальнейшего и синхронизированного развития территории в целом.

Ввиду того, что промышленное производство было развито неравномерно, возникло решение о децентрализации небольших промышленных цехов и их инфильтрации в механизмы экономической жизни обедневших черногорских городков. Относительно быстро сформировалось небольшое количество промышленно-урбанизированных центров, где концентрировались экономически значимые отрасли. Так возникло новое, пространственно-дисперсивное направление инвестиций, ориентированное на строительство промышленных построек в небольших административных центрах Черногории.

Позднее появились проблемы в социалистической, классово-коллективной иррациональной модели управления: ставилась под сомнение общественная оправданность дисперсивного способа инвестиций в небольшие промышленные постройки в небольших городах, где они оказались недостаточно рентабельными. Вовремя не был поставлен вопрос, пойдут ли дисперсивные инвестиции на пользу развитию горных деревень в неразвитых частях Черногории (муниципальных центрах Плужине, Шавник или Мойковац) и смогут ли они прекратить миграцию населения из небольших городков в крупные урбанизированные центры центрального региона.

Этим шагом пытались преодолеть десятилетнее нерациональное отношение к деревне и сельскому хозяйству, а в действительности он привел к деаграризации черногорской деревни в целом. Такая политика вылилась в глубокий демографический кризис крестьянства, когда за два десятилетия (с 1961 по 1981 гг.) интенсивность обрушения «сельскохозяйственного корпуса» была самой динамичной и составила 34%. Такого падения численности сельскохозяйственного населения за несколько десятилетий не наблюдалось ни в одной бывшей югославской республике.

Период социалистического правления (1945–1991) закончился в Черногории уменьшением доли сельскохозяйственного населения более чем в 8 раз, с 76% до 10% от общей численности жителей страны [2, с. 95–99]. Ускоренное демографическое опустошение, а затем и производное от него угасание сельских коллективов в наибольшей степени является результатом отсутствия долгосрочной политики развития сельского хозяйства и деревни. Многолетнее форсирование развития промышленности и городских поселений, а также нерациональный подход к сельскому хозяйству и оставленные без внимания деревни привели к значительным структурным переменам в обществе, которые не способствовали его развитию. «Общественное развитие в Югославии в целом, достигнутый уровень индустриализации и урбанизации, не привели к формированию рурально-урбанизированного континуума, который охватил бы большинство сельских поселений и сельского населения. <...> Чувство предоставленности самим себе, чувство бесперспективности глубоко охватило жителей деревни, знающих, что собственными силами они не могут обеспечить вступление в промышленную цивилизацию» [7, с. 262].

Как нами показано, на пути «модернизации» деревни и сельского хозяйства находились многочисленные барьеры и ограничения: наличие земельного максимума; запрет на использование дополнительной рабочей силы; административные запреты на приобретение крупной механизации вплоть до 1967 г.; отсутствие медицинской страховки до 1965 г. и социальной страховки вплоть до 1979 г.; системное воровства с помощью государственной монополии — путем урезания цен на сельхозпродукцию, задержек с выплатами, обвешивания при приемке сельхозпродукции и т. д. В результате наблюдается системная деградация и стирание с лица земли крестьянской общины, крестьянского образа жизни и хозяйствования, то есть деревни и сельского хозяйства как таковых.

После падения социалистического строя и распада Югославии ожидалась коренная и быстрая перемена общественной жизни в целом и крестьянской, в частности. Однако в иерархии общественных действующих лиц крестьянство как «конгломератный слой», конечно, принадлежит к тем из них, которые менее способны

к общественным переменам. Транзиция (трансформация) старой системы управления – социализма, по сути, означала установление нового строя, более гуманного по отношению к обществу (как предполагалось), и благодаря возврату частной собственности крестьянство по отношению ко всем остальным общественным действующим лицам имело более благоприятную стартовую позицию. «Конечно, если оно со своим семейным хозяйством способно функционировать в новой, несоциалистической реальности, – отмечал А. Ходжич. – Казалось бы, что с падением социалистического строя, крестьянство получило свое. Но так ли это? Совместимы ли с неолиберализмом крестьянская экономика и образ жизни крестьянства в целом? Или, может быть, между этими двумя системами, крестьянской и либеральной экономиками, существуют значительные несогласия? Прекратились ли проблемы крестьянства, вызванные социалистическим строем, или они просто сменились другими?» [8, с. 80]. Вопросы, заданные Ходжичем, относятся и к черногорской деревне, которая одинаково разделила все страдания и кризис с урбанизированным обществом Черногории. Транзиционный кризис выражался в повышенном уровне безработицы, недостаточной экономической активности, криминализации экономики, продленной пауперизации, а война в Боснии и санкции, примененные мировым сообществом к Югославии, только подлили масло в огонь черногорской трансформационной драмы.

В такой неблагоприятной обстановке шансы на возрождение черногорской деревни сведены к минимуму. Частично проведена имущественная трансформация крупных сельскохозяйственных предприятий. Однако главные характеристики, которыми может «похвастаться» этот период аграрных отношений Черногории, – нерешенный вопрос о том, как приспособить мелкокрестьянский сектор к рыночной экономике; нехватка капитала для обеспечения сельского хозяйства современной механизацией и оборудованием; отсутствие рыночной инфраструктуры на службе сельских семейных хозяйств.

Снижение численности населения, живущего в деревне и занимающегося сельским хозяйством, продолжается. В качестве главного показателя неадекватного государственного отношения к деревне в Черногории сейчас выделяется уменьшение доли работников сельского хозяйства: только за последние восемь лет доля сельских жителей в населении в целом уменьшилась на 3 процентных пункта (см. график), что, конечно, немало даже для более развитых обществ [4, с. 10–14]. Указанные показатели ясно демонстрируют неадекватное отношение к деревне в течение десятилетий и как следствие этого – депопуляцию сельской местности с тенденциями к полному исчезновению ее населения.

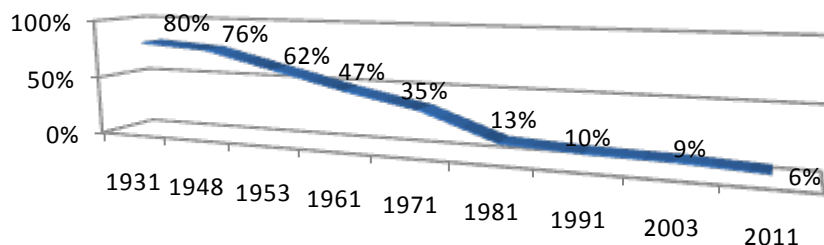

График. Доля сельскохозяйственного населения в общей численности населения Черногории с 1931 по 2011 гг.

Источники: [3, с. 267; 2, с. 95–99; 4, с. 10–14].

Заклучение

Эпоха советского общественного устройства в Черногории характеризуется тем, что крестьянство было вынуждено настраиваться на более доходные и более легкие пути заработка, на несельскохозяйственные профессии. Это постепенно разрушало традиционно-аграрные образцы жизни и стремления, связанные с землей и семейным хозяйством. Индустриализация и неконтролируемое пространственное перемещение населения породили необычные и неслыханные по масштабам общественные феномены — депопуляцию, деаграризацию, сенилизацию, феминизацию сельского хозяйства и др. Участие сельскохозяйственного населения в населении в целом минимизировано — и количественно, и качественно, — а в основе деаграризации в первую очередь находится социально-экономический компонент. Таким образом, человеческие ресурсы деревни становятся все беднее, что сейчас является недостатком и проблемой не только деревни, но и черногорского общества в целом.

От общего числа сельских поселений, насчитывавшихся в 1938 г. (когда была произведена первая перепись населения Югославии), на данный момент осталось всего 30%. В оставшихся же селах демографическая ситуация очень неблагоприятная. В неравномерном обмене с городом эти деревни потеряли значительную часть своего молодого трудоспособного населения, у которого, в силу различных обстоятельств, сформировались жизненные устремления, неосуществимые в условиях современной черногорской деревни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андријашевић Ж., Растодер Ш. Историја Црне Горе. Подгорица: Центар за исељенике Црне Горе, 2006. — 455 с.
2. Бакић Р., Мијановић Д. Демографска кретања у Црној Гори током друге половине XX вијека. Никшић: Географски институт Филозофског факултета, 2006. — 232 с.

3. Булајух Ж. Аграрни односи у Црној Гори 1878–1912. Титоград: Историјски Институт Црне Горе, 1959. – 284 с.
4. Попис становништва, домаћинства и станова у Црној Гори 2011. Године // Саопштење број 83. Подгорица: Завод за статистику Црне Горе – Монстат, 2012. С. 10–14.
5. Митровић М. Социологија села. Београд: Службени гласник, 1997. – 364 с.
6. Хорват Б. Југословенска аграрна теорија и политика у послеријатном раздобљу // Преглед. 1976. No. 7–8. С. 223–246.
7. Шувар С. Социологија села II – Социјализација пољопривреде и урбанизација села. Загреб: Школска књига, 1988. – 315 с.
8. Хоџић А. Социјална структура и мобилност сеоског становништва // Социологија села. 2000. No. 147/148. С. 74–89.

Дата поступления: 21.02.2014.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL (= SOCIOLOGICAL JOURNAL)

2015. VOL. 21. NO. 4. P. 120–131. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3067

R. SHAROVICH

The University of Montenegro, Niksic, Montenegro

Sharovich Rade – Doctor of Sociology, the Faculty of Philosophy, the University of Montenegro. **Address:** the Faculty of Philosophy, Danila Bojovica str., 81400, Niksic, Montenegro. **Phone:** +382 69 222 580. **Email:** sarovicrade@gmail.com

THE INFLUENCE OF THE SOCIALIST SYSTEM IN THE DISAPPEARANCE OF VILLAGES IN MONTENEGRO

Abstract. The rapid decrease in population, and then a production shutdown rural communities in Montenegro, primarily as a result of the lack of long-term policies for agricultural and rural. The socialist system is primarily running the ambitious project of transforming society, fundamentally shook former agrarian structure and traditional rural life. Industrialization, nationalization, colonization, collectivization, planning and directing the production, the basic measures that sought to overcome inherited the post-war situation. In order to fill out the demographic and serving the needs of industry, measured by the inadequate and democratic society rough forms of pressure on the peasantry. Individual farming industry ceases to be of special public interest, which is strongly influenced by the overall integrity of the village, rural society and the life of the farm. In such a balance of power, more economy stagnates and becomes insignificant part of the social structure, devoid of almost all influence in the social chain of action.

The above changes have contributed to the short period of time Montenegro yarn path from a purely agrarian society to an urban partially developed as it is today. This paper presents a brief summary of the Montenegrin rural drama, where the end is not in sight.

Keywords: village, demographic trends, deruralization, agrarian, urban, Montenegro.

REFERENCES

1. Andrijashevich Zh., Rastoder Sh. *Istorija Tsrne Gore*. [The history of Montenegro.] Podgoritsa: Tsentar za iseljenike Tsrne Gore Publ., 2006. 455 p. (In Serbian)
2. Bakich R., Mijanovich D. *Demografska kretanja u Tsrnoj Gori tokom druge polovine XX vijeka*. [Demographic trends in Montenegro in the second half of the XX century.] Nikshich: Geografski institut Filozofskog fakulteta Publ., 2006. 232 p. (In Serbian)
3. Bulajich Zh. *Agrarni odnosi u Tsrnoj Gori 1878–1912*. [Agrarian relations in Montenegro 1978–1912.] Titograd: Istorijski Institut Tsrne Gore Publ., 1959. 284 p. (In Serbian)
4. Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Tsrnoj Gori 2011 godine. *Saopštenje broj 83*. [Census of Population, Households and Dwellings in Montenegro in 2011. MONSTAT Announcement No. 83.] Podgoritsa: Zavod za statistiku Tsrne Gore – Monstat Publ., 2012. P. 10–14. (In Serbian)
5. Mitrovich M. *Sotsiologija sela*. [Rural Sociology.] Beograd: Sluzhbeni glasnik, 1997. 364 p. (In Serbian)
6. Khorvat B. Jugoslovenska agrarna teorija i politika u poslijeratnom razdoblju. [Yugoslav agrarian theory and policy in the postwar period.]. *Pregled*. 1976. No. 7–8. P. 223–246. (In Serbian)
7. Shuvar S. *Sotsiologija sela II – Sotsijalizatsija poljoprivrede i urbanizatsija sela*. [Rural Sociology II – The socialization of agriculture and urbanization of villages.] Zagreb: Shkolska knjiga Publ., 1988. 315 p. (In Serbian)
8. Khojich A. Sotsijalna struktura i mobilnost seoskog stanovništva [Social structure and mobility of the rural population.]. *Sotsiologija sela*. 2000. No. 147/148. P. 74–89. (In Serbian)

Received: 21.02.2014.
